

АСИММЕТРИЧНОЕ СОСЕДСТВО: РОССИЯ И НОРВЕГИЯ, 1814—2014

К 200-летию
Конституции Норвегии

Innhold

Forord	11
Innledning	14
KAPITTEL 1 Norsk-russiske fellesområder fram til 1814	19
KAPITTEL 2 Mot en ny grense: Traktaten av 1826	38
KAPITTEL 3 Russefske og russehandel fram til 1815	60
KAPITTEL 4 Norsk og russisk ishavsfangst fram til Krimkrigen	77
KAPITTEL 5 Russlands rolle i det norske nasjonale prosjektet 1814–1855	97
KAPITTEL 6 Den isfrie havn og Novembertraktaten av 1855	126
KAPITTEL 7 Konsuler og kjøpmenn, russehandel og russensorsk	152
KAPITTEL 8 To bondesamfunn	188
KAPITTEL 9 Tidlige russiske forestillinger om Norge	209
KAPITTEL 10 Nordmenn på Murmankysten	219
KAPITTEL 11 Fangstrettigheter, suverenitet og grenser til havs	254
KAPITTEL 12 Kirkelige og religiøse berøringspunkter	290
KAPITTEL 13 Minoritets- og urfolkspolitikk i nord	318
KAPITTEL 14 Russland kommer nærmere	343
KAPITTEL 15 Kulturførbindelser 1814–1917	371
KAPITTEL 16 Norge og Russland i 1905	401
KAPITTEL 17 Striden om de arktiske arkipeler	426
KAPITTEL 18 Kiberg og Kiberg-rettighetene	447
KAPITTEL 19 Vitenskapelige forbindelser innen arktisk forskning	469
KAPITTEL 20 Norsk handel og investeringer i Russland etter 1905	482
KAPITTEL 21 Kampen om nordmennenes hjertener	525
Avslutning	545
Noter	551
Litteratur	584
Forfatterkreditering	618
Bildekreditering	620
Register	626

Из заключения к книге «Сближение. Норвегия и Россия, 1814—1917»

«Заголовок первого тома книги – «Сближение. Норвегия и Россия, 1814—1917» – был выбран потому, что две соседние страны на протяжении двухсот лет делали шаги навстречу друг другу, добившись определенного успеха в важных областях. Население Северной Норвегии и Русского Севера сблизились благодаря существованию сезонной «поморской торговли». После 1815 г. ее масштабы и значение резко выросли. И норвежцы, и русские десятилетиями пользовались возможностью промысла в территориальных водах друг друга: русские рыбаки находили свой улов у побережья Восточного Финнмарка, а норвежцы, в свою очередь, искали промысловую добычу в горле Белого моря и вдоль берегов Новой Земли. С начала 1860-х гг. норвежцы-колонисты стали обустриваться на Мурманском берегу, а спустя поколение норвежские лесоторговцы и лесопромышленники стали переносить свой бизнес в Беломорье. Благодаря растущей коммерческой деятельности уже в 1815 г. по обе стороны северной границы были учреждены консульства, которые в течение второй половины XIX в. значительно расширили свою деятельность.

... До постройки Мурманской железной дороги наиболее легким способом путешествия из Петербурга на Мурманский берег было плавание с Балтики вокруг Скандинавского полуострова. Достичь зимой Мурманских берегов из Архангельска было невозможно из-за того, что Белое море покрывалось льдом. Это объясняет как уязвимость северных русских регионов, так и остроту проблемы

контроля над северными территориальными водами, а также почему российские власти до первой мировой войны предпочли не утверждать границу северных территориальных вод, защиту которой они были не в состоянии обеспечить. Норвежские рыбаки и промысловики, напротив, имели легкий доступ к водам и побережьям Русской Арктики из незамерзающих северонорвежских гаваней. И с 1870-х гг. они широко пользовались такой возможностью. Но шло время, и хозяйственная и коммерческая деятельность норвежцев в русских водах стала вызывать озабоченность правительственных властей в Петербурге. Это привело к принятию ими мер по защите российского суверенитета над Севером. В долгосрочной перспективе население Русского Севера имело все основания благодарить норвежских рыбаков и промысловиков за их бесцеремонные действия, ибо именно они побудили русское правительство наконец решить, намерено ли оно на деле защищать то, что считалось русскими владениями на Севере.

Для России было крайне важно сохранить эти северные территории до той поры, пока страна окажется в состоянии экономически их эксплуатировать. Губернатор А.П. Энгельгардт так писал об этом: «В этих широтах скрыты неведомые силы, которые лишь временно глубоко дремлют: в воображении путешественника, как мираж, [...] является локомотив, который, кажется, мчится сюда, чтобы пробудить спящие силы и возродить молчаливый, мрачный и пустынный регион».

Если бы мы воспользовались аллегорическим стилем губернатора, мы могли бы сказать, что Кольский полуостров все еще являл собой спящую красавицу. Но в 1915—1916 гг., непосредственно перед крушением монархии, царь получил наконец железнодорожную магистраль, соединившую Центральную Россию с Кольским заливом (Мурманскую железную дорогу). Таким образом было положено начало. А после Октябрьской революции к власти пришел Ленин в роли принца, «разбудившего» спящую красавицу. Это стало началом бурного индустриального и демографического развития Кольского полуострова, и в течение нескольких десятилетий в соседнем с Норвегией регионе родился город, сопоставимый по размерам с Архангельском – Романов-на-Мурмане (Мурманск). Россия стала ближе, но не только географически...

... Много из того, что помогало сближению, касалось прямых контактов между жителями севера по обе стороны границы. Это то, что политологи называют межсоциальными отношениями. В летнее время между приезжими поморами, с одной стороны, и местными саамами и норвежским населением побережья Северной Норвегии, с другой, поддерживались социально значимые связи. Как правило, поморы год за годом посещали

Russland kommer nærmere

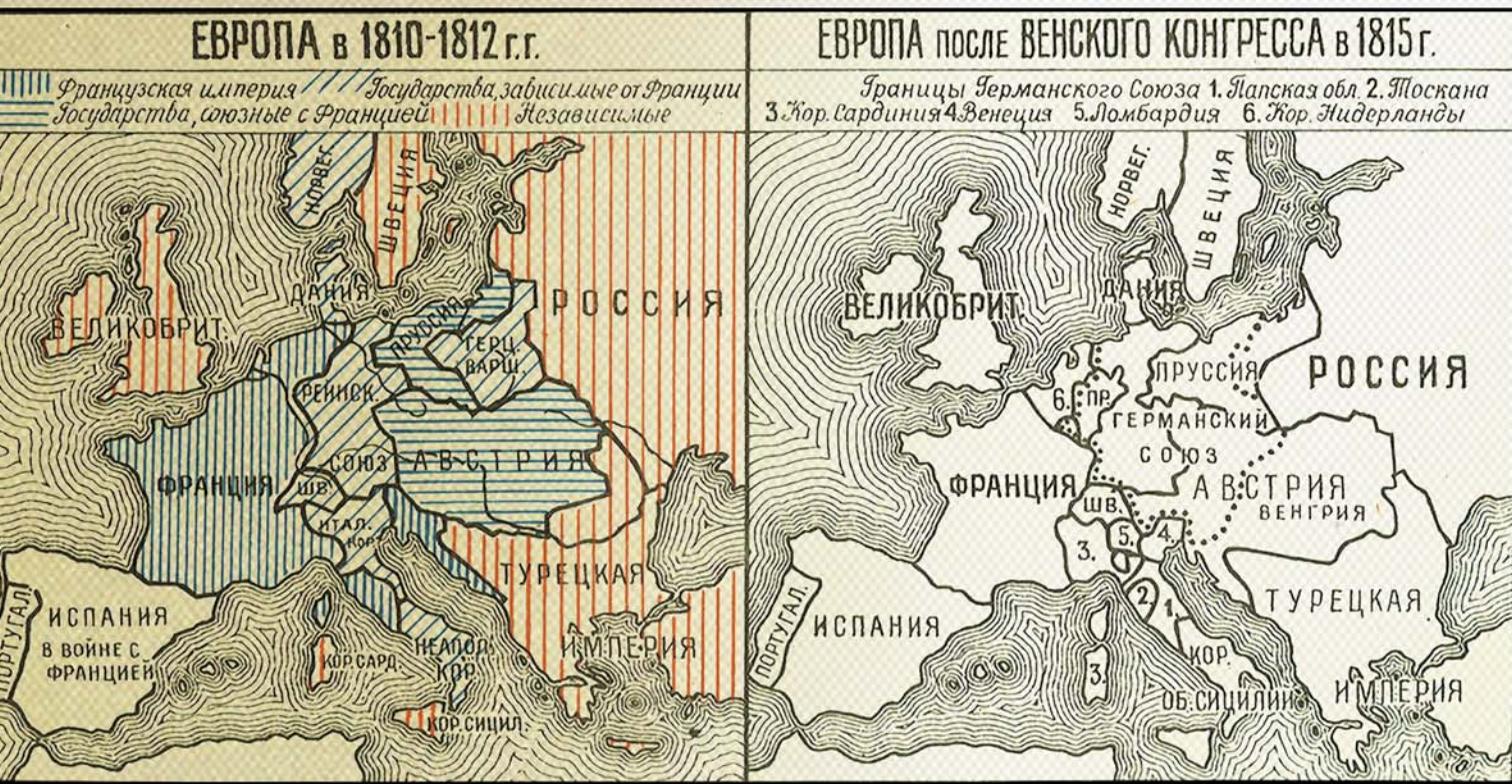
NORGE OG RUSLAND 1814–1917

Jens Petter Nielsen (red.)

Асимметричное соседство: Россия и Норвегия, 1814—2014. Коллективная монография под ред. Й. П. Нильсена.

Том 1. Сближение. Норвегия и Россия, 1814—1917 PAX FORLAG A/S, OSLO 2014. — 643 с.: ил. ISBN 978-82-530-3749-3

одни и те же фиорды, и естественным образом у них складывались отношения с их обитателями. Некоторые поморы-мореходы остались в Норвегии, влюбившись в норвежских девушек. Однако в поморский период в целом наблюдалось небольшое количество смешанных русско-норвежских браков. Поморы, конечно, были желанными гостями, но местные жители все же считали их чужаками, носителями совершенно иной культуры и религии, которых им было сложно понять и принять. Сохранялся также языковой барьер, поскольку разговорный «руссе-ношк», сформировавшийся как средство заключения торговых сделок с поморами, не давал возможностей для общения на более возвышенные темы. Несмотря на то, что поморы часто похвально отзывались о своих норвежских знакомых, они все же старались подчеркнуть собственную русскую идентичность».

Глава из книги

И. П. НИЛЬСЕН

Карта Европы в 1810—1812 г. (слева) и после Венского конгресса 1815 г. (справа).
По: (Л. Г. Бескровный, 1946)

Две души и одна мысль.

Россия и создание шведско-норвежской унии в 1814 г.

Многие считают Александра I одним из наиболее противоречивых императоров России. Его называли «загадочным царем», «коронованным Гамлетом» и т. п. Его считали либералом одни, и осуждали как реакционера другие. Наполеон называл его «коварным византийцем» и тонким дипломатом, в то время как другие подчеркивали его религиозный мистицизм, который с каждым годом все более уводил его прочь от реальности.

Некоторые из противоречий, присущих Александру I, явственно проявились в 1814 г. Победа над Наполеоном и вступление царя в Париж во главе русских войск в марте 1814 г., безусловно, стали кульминацией славы и могущества Российской империи, сравнимой лишь со вступлением русских войск в Берлин весной 1945 г.

Царю принадлежало решающее слово, когда речь шла о судьбе европейских государств, и он проявил к ним удивительное великодушие. Для Александра I уничтожение Империи Наполеона и восстановление на французском троне Бурбонов означали конец революции, переход Европы от войны к миру и от вражды народов к их примирению.

Священный союз, создание которого он инициировал, встал на страже консервативного идеализма, провозгласив сохранение мира в Европе на основе защиты существующих государственных и политических институтов. Он выступал за сохранение легитимных монархий и стремился защитить каждую европейскую страну против безбожия и революции.

Вполне понятно, что царь Александр I не располагал достаточным временем, чтобы глубоко вникнуть в так называемый норвежский вопрос, касавшийся судьбы северной периферии Европы. Несмотря на это, Россия фактически сыграла положительную роль в успехе либерального движения в Северной Европе в последний

период наполеоновских войн. Царь даровал конституцию восстановленной Польше и Финляндии (в то время как отказался сделать это в отношении собственного народа). 1809 г. был назван «прекрасным годом» в истории Финляндии. И это выражение по полному праву может быть использовано в отношении Норвегии в 1814 г. Существует, таким образом, связь между финским «прекрасным годом» и норвежским, и они обязаны своим общим происхождением России.

Норвегия в ходе противоборства коалиций, сменяющих одна другую во время наполеоновских войн, превратилась в своего рода волан, когда Дания-Норвегия и Россия то являлись союзниками, то находились по разные стороны баррикад. Поскольку в конце концов судьба Норвегии сложилась удачно, трудно не признать, что значительная часть заслуги в этом по праву принадлежит именно России и Александру I. Согласно утверждению норвежского историка О. Ригана (Oystein Rian), царь стал «крестным отцом» трех национальных государств, появившихся на территории Фенноскандии: Норвегии, Швеции и Финляндии. При этом норвежский историк шутливо добавляет, что «в столице Норвегии следовало бы поставить памятник царю Александру I».

Однако инициатива кардинальных перемен на политической карте Скандинавии исходила не от России, а от Швеции. Одним из мотивов шведов после избрания одного из наполеоновских генералов кронпринцем и наследником шведского трона в 1810 г. послужило желание получить поддержку Франции для возвращения Финляндии. Но Карл Йохан, новый кронпринц, смотрел на дело по-иному. Согласно его планам, шведам следовало признать тот факт, что Финляндия ими потеряна навсегда, и что будущие приобретения Швеции найдутся на западе, а не на востоке.

Вместо того чтобы начать новую войну против России, он обратился к ней за помощью, чтобы отнять Норвегию у датского короля, который с 1807 г. являлся союзником Наполеона. Две души и одна мысль. Взаимопонимание с Александром I было быстро достигнуто и затем оформлено в виде шведско-русского союзного договора, подписанного в апреле 1812 г. Александр I взамен на участие Швеции в борьбе против Наполеона обещал Карлу Йохану поддержать его требование к Дании уступить Норвегию. Такая компенсация за потерю Финляндии была призвана, по мнению царя, закрепить завоевание им Финляндии и обеспечить мир и стабильность в Скандинавии для нескольких поколений.

В Петербургском договоре было заявлено, что Россия должна оказать помощь Швеции дипломатически заполучить Норвегию, а если окажется необходимым, то и вооруженной силой. В договоре указывалось на размер военной помощи – 15 тыс. солдат. Договор был подтвержден, когда Александр и Карл встретились

в августе 1812 г. в Або. Среди внесенных в договор дополнений указывалось на помощь Швеции со стороны 35 тыс. русских солдат.

Но согласия России было недостаточно. Без поддержки Англии и помощи со стороны британского флота было мало надежд на то, что Карл Йохан сумеет удержать Норвегию, и ему пришлось пойти гораздо дальше, чтобы удовлетворить Британское правительство. В своей большой работе о значении 1814 г. для норвежской истории А. Бергсгорд (Arne Bergsgaard) пишет: «Правительство в Англии нуждалось в поддержке общественного мнения, и получить ее согласие на подчинение старой нации было трудно».

Чтобы склонить англичан присоединиться к русско-шведскому соглашению о Норвегии, Карлу Йохану пришлось пообещать даровать ей автономию, собственный парламент, законы и финансы. Наконец в марте 1813 г. Англия дала согласие.

И даже Россия пыталась повлиять на Швецию в либеральную сторону. После капитуляции Наполеона в апреле 1814 г. кронпринц Швеции Карл Йохан немедленно поспешил в Париж, чтобы напомнить царю о его обещаниях. В результате было решено, что великие державы должны направить свою миссию в Копенгаген и Христианию, чтобы убедиться, что будут выполнены условия так называемого Кильского трактата, т. е. январского соглашения 1814 г., которым король Фредерик VI Датский уступал Норвегию шведскому королю.

Великобритания и Пруссия поддержали идею создания комиссии великих держав, и даже Австрия спустя некоторое время согласилась принять в ней участие. Возглавил комиссию 26-летний генерал-майор русской службы Михаил Федорович Орлов, один из царских адъютантов.

Вследствие переворота в Норвегии, направленного против Кильского трактата, комиссии предстояло разрешить трудную задачу. Учредительное собрание, созванное в Эйдсволе, 17 мая 1814 г. утвердило Конституцию независимого норвежского государства, а датский наместник в Норвегии кузен датского короля и наследник трона Христиан Фредерик был избран королем Норвегии. Все это срывало планы Карла Йохана в отношении Норвегии. Генерал Орлов по прибытии в Христианию в начале июля 1814 г. убеждал Христиана Фредерика, что ему не удастся сохранить власть, а Норвегии – достичь полной независимости. Он предупредил его, что в противном случае России пришлось бы применить силу, чтобы помочь Швеции, а царь, если Христиан Фредерик откажется вернуться в Данию, воспрепятствует ему в положенное время стать королем Дании.

Члены миссии великих держав заранее договорились выступать общим фронтом в переговорах с Христи-

аном Фредериком, чтобы он не мог использовать их возможные разногласия. Тем не менее, в последующие дни Орлов несколько раз встречался с Христианом Фредериком один на один. Сначала только что избранный норвежский король не желал подчиниться требованию отречения. Он доказывал, что не в интересах России было бы усиливать Швецию за счет ее территориального расширения, что неизбежно произойдет в случае присоединения к ней Норвегии. На что Орлов возразил: «Россия не испугалась бы, даже если десять Норвегий объединились со Швецией». Более того, сказал он, царь дал слово, а «слово его повелителя священо в глазах всего мира».

Однако, позже Орлов заколебался, почувствовав симпатию к одинокому в его безнадежном сопротивлении Христиану Фредерику. Возможно, это случилось потому, что он осознал, что царь зашел слишком далеко в дружбе с Карлом Йоханом, и он вовсе не был уверен, что в долгосрочной перспективе она соответствует интересам России. И хотя союз со Швецией являлся тогда для норвежцев неизбежным, Орлов и остальные члены

Учредительное собрание Норвегии на Эйдсволе в 1814 г.

Худ. О. Вергеланд 1885 г. Холст, масло.
Архив Норвежского парламента, Осло

комиссии великих держав поддержали Христиана Фредерика в его усилиях обеспечить Норвегии наилучшие возможные условия в Шведско-Норвежской унии.

В XVII–XVIII вв. политика России заключалась в последовательной поддержке Дании и Дании-Норвегии против притязаний Швеции. И теперь генерал Орлов решил, что ей было бы выгодно, если бы союз между Норвегией и Швецией оказался скорее слабым, чем прочным. Возможно, царь согласился с его мнением, но мы не знаем этого наверняка. Наиболее важным для Александра I, без сомнения, было сдержать обещание, данное им Карлу Йохану. Ни в письме царя, которое Орлов доставил Фредерику VI в Копенгаген летом 1814 г., ни в инструкции русского министра иностранных дел Нессельроде, данной им Орлову о деятельности комиссии великих держав, нет ни одной формулиров-

ки, которую можно было бы интерпретировать таким образом, что Кильский трактат не должен составлять основы шведско-норвежского союза.

Но Христиан Фредерик все также не желал признавать этого. Когда комиссия встретила Карла Йохана в Уддевалле, ей пришлось признать, что свою миссию ей исполнить не удалось. Стороны столь упорно оппонировали друг другу, что война в итоге оказалась неизбежной. Она началась 26 июля, и ей суждено было стать последней войной между скандинавскими государствами. Хотя предупредить ее не удалось, работа комиссии великих держав имела все же важное значение для разрешения норвежского вопроса. Во время переговоров, которые велись в Христиании, Норвегия с благословения комиссии впервые выступила как самостоятельный субъект и как одна из сторон конфликта.

С тех пор норвежский вопрос не являлся более простым противоборством Швеции и Дании. Комиссия помогла Христиану Фредерику сформировать его стратегию для переговоров с Карлом Йоханом и поддержала норвежцев в том, что было для них самым важным в их требованиях, а именно, что Конституция должна быть сохранена в том виде, в каком ее утвердили в Эйдсволе.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) по сей день хранится копия норвежской конституции, переведенная на французский язык, в которой генерал Орлов указал те немногие изменения, которые должны были в ней быть произведены, прежде чем Норвегия соединилась союзом с Швецией.

Когда война растянулась на две недели, Карл Йохан отказался наконец от своей оппозиции Эйдсвольской конституции. В результате Шведско-Норвежская уния, когда ее 14 августа 1814 г. закрепили конвенцией, подписанной в Моссе, получила совершенно иное основание, чем Кильский трактат.

Когда Карл Йохан летом 1814 г. открыл военные действия, чтобы силой принудить Христиана Фредерика подчиниться, он имел право, согласно Петербургскому договору 1812 г., потребовать у России военной помощи. В Гольштейне в то время стояла большая русская армия под началом генерала Беннигсена. И хотя она занимала в целом выжидательную позицию, при необходимости несколько тысяч русских солдат могли пересечь Ютландию, переправиться через Каттегат в Южную Норвегию и заставить норвежцев сложить оружие.

В какой-то момент Карл Йохан просил переправить ему на помощь из Архангельска пять-шесть тысяч русских солдат и высадить их в Тронделаге. Однако по какой-то причине этого не произошло. Может быть, Карл Йохан решил, как пишет Бергсгорд, что в конце концов будет лучше, если он обойдется без них. Участие в сражениях «казаков» могло предположительно

вызвать в Норвегии враждебность на несколько поколений вперед.

Дания-Норвегия находилась в состоянии войны с Россией с 22 октября 1813 г., когда Фредерик VI объявил войну России и Пруссии. Формально война между Данией и Россией закончилась с заключением Ганноверского мира 8 февраля 1814 г. По-видимому, это подразумевало, что Норвегия также находилась в состоянии войны с Россией в течение этого периода. Однако прямых военных действий между норвежскими и русскими войсками не велось. Министр иностранных дел Нессельроде много лет спустя подчеркивал, как важен для России тот факт, что умиротворение Норвегии в 1814 г. произошло без русского военного вмешательства.

Для российских руководителей, кажется, только несколько лет спустя стало очевидным, что некоторый дуализм или антагонизм в отношениях Швеции и Норвегии был в интересах России. С 1830-х гг. Россия последовательно выступала против скандинавского сближения, которое русские называли «пан-скандинавизмом», и среди прочего – против тесного сплочения Шведско-Норвежской унии.

К концу XIX в. Россия стала опасаться, что пан-скандинавский союз может принять форму, при которой его составной частью станет и Дания. Подобный союз мог бы стать новым политическим объединением в Северной Европе и позднее вовлечь в свою орбиту и Финляндию. По мнению, сложившемуся в русском министерстве иностранных дел, в таком союзе могла доминировать Швеция, а сам он ориентировался бы на Германию. Зная это, легко понять, почему Россия, в 1814 г. бывшая ведущей силой создания шведско-норвежского союза, в 1905 г. стала первым государством, признавшим расторжение унии и установившим дипломатические отношения с независимой Норвегией.

Перевод В. А. Карелина

Редакция благодарит Ольгу Красникову за помощь в подготовке иллюстраций